

Афанасий Антонович Кирпань — сосед по лестничной клетке — никогда ничего о войне не рассказывал, как и мой отец. Обычно они сходились 9 Мая, починали бутылочку известного и извечного русского напитка и вели неспешные разговоры о разных разностях. Говорили о многом, но только не о Войне, не о тех боевых действиях, в которых участвовали. Только не о Ней. А мне, юноше, в те годы было до крайности любопытно: какая она, эта война? Хотелось слышать завораживающие подробности. Но настоящие фронтовики, хлебнувшие военного лиха через край, сколько я помню, чаще отмалчивались, иногда отшучивались, либо отделялись какими-то незначительными мелочами. И это — несмотря на внушительный порой «иконостас» орденов и медалей, которые в шестидесятые годы вновь стали появляться на праздничных пиджаках ветеранов. Вставший у власти Леонид Брежнев — фронтовик, участник Парада Победы в 1945 году, вернул народу великий праздник, по сути, отменённый ещё Сталиным и не поощряемый при Никитке, как отец и Кирпань презрительно именовали Хрущёва. Но в тот, очередной раз, сосед не заглянул к нам в праздничный день. Его опять госпитализировали.

Афанасий Антонович вернулся домой не скоро, с изжелта-бледным лицом. Зашёл к нам. На сей раз обошлось без привычного застолья.

— Антибиотики, — коротко и сумрачно пояснил он и, как медикам, рассказал моим родителям, что опять, в который уж раз начался воспалительный процесс в брюшной полости, исполосованной осколками фашистской мины и многочисленными операциями.

— И ты знаешь, Георгий Васильевич, — рассказывал он отцу, — отошёл я от наркоза, а хирург приносит мне в стеклянной тарелочке два сереньких комочка. И говорит: «Вот, товарищ старший лейтенант, что у тебя в животе нашли!» Колупнул я их ногтем. А это что-то вроде известковой скорлупы. Внутри — просяные зёрнышки. Я и вспомнил, что в августе 1944-го двигались мы с боями по направлению к Плоешти в Румынии. Я со своими разведчиками впереди танков на машине да по спелому просяному полю. А тут немец как дал, как дал из миномётов! Нас и накрыло. Ребят побило насмерть, а меня ранило в живот. Кишки собрали — и в госпиталь. А дальше в тыл. Сюда, в Чкалов, а дальше в Илек на долечивание. На фронт я уже не вернулся.

Все последующие годы Афанасий Кирпань — журналист, а

впоследствии работник обрис-полкома, с разновременными перерывами вновь и вновь попадал в руки врачей из-за мучительной спаячной болезни. Он мужественно переносил тяготы, поддерживаемый женой, уральской казачкой — бывшей медсестрой эвакогоспиталя в Илеке, где он с ней познакомился и слюбился. Та операция, во время которой были найдены зёрнышки, стала последней. Всё произошло в точности по стихотворению поэта-фронтовика Семёна Гудзенко: «Мы не от старости умрём — от старых ран умрём».

Владимир Михайлович Сукач — главный врач оренбургского психоневрологического госпиталя ветеранов войн, заслуженный врач РФ, кандидат медицинских наук слушает мой рассказ и

В.М. Сукач

понимающе кивает головой. Для него клиническая картина ранения и последующих мучительных лет жизни ветерана и инвалида ясна и до боли знакома. Сколько таких страдальцев прошло через палаты госпиталя, начиная с 1946 года, когда теперешний госпиталь был образован путём ликвидации и слияния двух эвакогоспиталей... Всё время, пока шла война, поезда везли и везли раненых в тыловой Чкалов. Война завершилась, и началась работа по поддержанию здоровья победителей.

— Сегодня, — говорит Владимир Михайлович, — у нас на учёте 343 инвалида ВОВ, 19351 участников войны и работников тыла, 163 малолетних узника фашистских концлагерей, а ещё мы следим за здоровьем жителей блокадного Ленинграда.

Зоя Николаевна Николаева — пациентка кардиологического отделения госпиталя — некогда учитель французского языка в суворовском училище, а потом и в одной из оренбургских школ, улыбнувшись, сказала: «Бывших учителей не бывает». И это действительно так. У неё профессионально-цепкая «учительская» память и безжалостная блокадная. Помнит все выпуски, фамилии многих ребят. Следит за судьбами некоторых своих выпускников. В марте 1942 года представилась возможность её семье эвакуироваться на Большую землю по Дороге жизни. Солдаты выносили детей на руках из квартиры на Петроградской стороне — сами они не могли идти.

Доехали до Ладоги. Лёд начал уже таять, был покрыт водой из промоин и воронок от нескончаемых бомбёжек. Они лежали в кузове «полуторки» и слышали рассуждения водителя и попутчицы — взрослой женщины: «Ехать опасно — бомбят. Значит, смерть. Машина может попасть в полыню — значит, тоже смерть. И оставаться на берегу или возвращаться в город — также смерть. А вдруг да проскочим?» И машина тронулась в дорогу. Передняя «полуторка» ушла в промоину. Водитель резко крутанул руль. Их потрянуло. Но обошлось. На Большой земле их сняли с машины и понесли кормить: щи, второе, компот и шоколад — каждому по плиточке. Кто-то из встречавших взрослых повторял и повторял: «Не ешьте всё сразу, не ешьте всё сразу». Некоторые ели и умирали сразу за столом с ложкой в руках. Потом эшелон и два месяца в пути до Рязани. Сначала бомбили, а потом за окном пошла земля, не знавшая бомбёжек. На одной из остановок Зоя выглянула в окно и поразилась: живая собака! В блокадном Ленинграде ни собаки, ни кошки по улицам уже не бегали. Зоя Николаевна всю жизнь старалась не вспоминать о блокадном детстве. Но это жило в её подсознании, терзало душу. И только теперь, отвечая на мои вопросы, стала рассказывать, словно освобождаясь от тягостного груза воспоминаний...

Иван Николаевич Масютин — афганец, вертолётчик. Техник по ремонту и восстановлению

З.Н. Николаева

винтокрылых боевых машин. Мог бы и не подниматься в воздух. Но участвовал в боевых вылетах в качестве бортстрелка. Он ведь кадровый, контрактник. А новобранцев-срочников было жаль. Старались уберечь их от душманских пуль и «Стингеров», которыми американцы щедро снабжали моджахедов. Летать приходилось и к подбитым машинам с набором инструментов и запчастей. А такой полёт в зону боя — отнюдь не турпрогулка. Так и ждёшь трассеров зенитного пулемёта или белого хвоста зенитной ракеты, от которой уйти невозможно. Отвоевал своё, вернулся домой. Ту войну забыл, вычеркнул из памяти, затоптал в землю... Много лет всё было хорошо. А потом опять начали вспоминаться нити огня, тянущиеся от его пулемёта вниз на позиции боевиков. И тот бой, когда они ремонтировали повреждённый вертолёт, а душманы уже подползали, и пришлось

отложить инструмент и взять в руки автомат. До сих пор в глазах лица обезумевших головорезов, одурманенных наркотой, лезущих вверх по горе, и короткие автоматные очереди в ответ — патронов было мало. Когда ты бьёшь с высоты или ведёшь огонь с закрытых артиллерийских позиций — это одно. А когда попадаешь во врага и видишь это попадание, и он падает сражённый — это совсем иное ощущение. Смерть, даже вражескую, забыть трудно, потому что это смерть человека, что ни говори. А сегодня Ивана Николаевича лечат от последствий кровоизлияния в мозг, свалившего его с ног...

Мы не раз говорили с Владимиром Михайловичем Сукачом о том, что память об ужасах войны проникает глубоко в сознание человека и скрывается там до поры до времени. Но вот что-то происходит. И эта память, как осколки и пули, что носят и по сей день

И.Н. Масютин

в себе некоторые ветераны-фронтовики, начинает пошевеливаться, даёт о себе знать. Да так, что мало не покажется. На научном языке это именуется «стресс-провоцирующий фактор». Ночные кошмары, истерические срывы, внезапные, немотивированные, казалось бы, смены настроения, эпилептические припадки — это лишь часть воздействия этого фактора. В организме человека всё взаимосвязано, и потому вдруг, как бы не из-за чего начинают усугубляться недуги, и что у обычного человека при своевременной медицинской помощи быстро сходит на нет, у ветерана даёт серьёзные, иногда фатальные осложнения. Как сказал главный врач, в штате госпиталя работает девять (!) высококлассных специалистов, отвечающих за психическое состояние ветеранов, помогающих распутывать туго утянутые узлы психологических внутренних конфликтов. Когда-то этим начали заниматься первыми американцы. «Вьетнамский синдром», поразивший армию США после окончания войны во Вьетнаме, заставил создать сеть клиник, существующих за счёт средств бюджета. Лечение ветеранов в США бесплатное, несмотря на всеобщую платность американской медицины. Американцы, кстати, позаимствовали опыт специализированной медицинской помощи ветеранам войн, существовавший в нашей стране с сороковых послевоенных годов. Но лечение синдрома, как такового... Тогда кое-кто в СССР

недоумевал и даже подсмеивался над таким диагнозом. Сегодня в нашей стране всё далеко не так. К пониманию плотной взаимосвязи психического состояния человека и соматики подходят на серьёзном научном уровне. Достаточно сказать, что госпиталь — клиническое медицинское учреждение, на базе которого работают семь кафедр Оренбургского государственного медуниверситета.

В 2013 году в Оренбурге на ул. Родимцева начал функционировать «Центр реабилитации для воинов-интернационалистов», где находится также и Центр лечения эпилепсии. На первом этаже этого здания, возле которого установлено артиллерийское орудие, расположен уникальнейший музей, рассказывающий о подвигах земляков, о которых в прежние времена говорить запрещалось под страхом уголовного наказания за разглашение гостайны. Это и Корейская война, и Карибский кризис, и гражданские войны в Анголе и Мозамбике, и Ближний Восток с его арабо-израильскими войнами, и Афганистан, и Чечня. Везде, где свистели пули и рвались снаряды, служили, доблестно исполняли свой воинский долг и гибли наши земляки. Недавний пример — уроженец села Городки Тюльганского района, Герой России Александр Прохоренко, совершивший подвиг в Сирии. В музее собраны имена всех оренбуржцев, отдавших жизнь за Родину. Опекает музей Надир Раимович Ибрагимов — воин-афганец, депутат Законодательного

Н.Р. Ибрагимов

собрания области, заместитель председателя попечительского совета госпиталя. Он активно помогает работе как всего госпиталя, так и деятельности лечебного центра, его молодого, но весьма профессионально работающего коллектива, который возглавляет высококлассный врач-невролог Антон Петрович Герцен. В Центре успешно оказывают медицинскую помощь людям с эпилепсией. Ведь коварная болезнь свойственна людям, получавшим в ходе боевых действий черепно-мозговые травмы, контузии разной степени тяжести.

В. М. Сукач скрупулёзно отчитывается перед попечительским советом, возглавляемым Юрием Бергом — губернатором области, всякий раз убедительно рапортуя об успехах лечебной деятельности. Но всё же недовольно сетует: не удаётся совладать с некоторыми «молодыми»

ветеранами. Не исполняют ребята правило ежегодной диспансеризации, надеясь на «авось» и своё здоровье, зачастую не такое уж и здоровое.

Остались в прошлом не очень совершенные методы старых докторов, слушающих сердцебиение с помощью деревянного стетоскопа. Давным-давно не стерилизуют на электроплитках в процедурных кабинетах многоразовые шприцы. Сегодня госпиталь уверенно переступил порог цифрового века. Можно говорить, что и врачи, и пациенты имеют дело с технологической медициной. Например, болезни, что раньше требовали наркоза и скальпеля, лечатся аппаратными методами. Лежит человек на столе, а камушки в почках лупцуют ультразвуковые импульсы и дробят конкременты. А прежде надо было делать операцию. Широчайший спектр современных физпроцедур помогает врачевать и телесные, и душевные недуги.

Принято в народе говорить при всяком добром и тяжёлом деле: «Бог в помощь». И в дни Великой Отечественной, и в наши дни люди, попавшие в невыносимые, бесчеловечные условия войны, до того неверующие или исполнявшие некие религиозные обряды только потому, что в семье так заведено, обращают взоры к Всевышнему. В попечительском совете госпиталя — руководители традиционных религиозных конфессий, действующих на территории Оренбуржья.

А.П. Герцен

Два помещения отданы для молитвы: православным и мусульманам.

Если подняться на четвёртый этаж госпиталя, а туда приходят практически все пациенты для прохождения лечебных физпроцедур, то вы, скорее всего, попадёте на художественную выставку. Здесь одна за другой экспонируются картины лучших оренбургских художников. Недавно, например, Наталья Бровко — главный художник Оренбурга — выбирала для экспозиции свои картины. Не всякое произведение подойдёт для показа пациентам госпиталя. Люди, в душе которых продолжают клубиться чёрные клубы дыма войны, нуждаются в жизнеутверждающих полотнах, добром искусстве. Всё это в полной мере есть на полотнах художницы. В картинной галерее госпиталя сочли за честь выставляться Ю. Рысухин, А. Власенко, С. Бочкарёв,

фотограф С. Жданов. Пациентов радовали детские рисунки. Нередки приезды в госпиталь творческих коллективов. В актовом зале, где обычно ведутся врачебные конференции, часто звучит музыка. Недавно в госпиталь с шефским концертом приезжала Юлия Учватова — певица, известная в Оренбуржье и далеко за его пределами. А оренбургские писатели и поэты вносят свою лепту. Регулярно в библиотеку госпиталя поступают посылки с книгами, с очередными номерами литературных альманахов «Гостиный Двор» и «Башня».

И ещё одно госпитальное мероприятие следует особо отметить. Регулярно всё в том же актовом зале расставляют столы, за которые усаживаются ответственные чиновники минздрава, минсоцразвития, облвоенкомата и других ведомств. Они ведут приём пациентов госпиталя. Трудно подсчитать, сколько «заноз» на таких встречах было извлечено из израненных душ ветеранов, многие из которых живут в отдалённых уголках области и в силу немощей не в состоянии обивать пороги казённых кабинетов.

Много лет подряд в качестве члена попечительского совета наблюдаю, как госпитальный коллектив расширяет сферу своей компетенции. Оренбуржец Константин Иванович Филиппов начал добывать себе про-

питание в тринадцатъ лет. Именно в этом возрасте заслужил он во время войны взамен карточки иждивенца продовольственную карточку работающего. А она давала возможность на получение ежедневно почти восьмисот граммов хлеба при условии выполнения планового задания. Дети войны — ещё одна категория оренбуржцев, за состоянием здоровья которых пристально следит госпиталь. Создано и действует гериатрическое отделение. А сам госпиталь является областным центром гериатрии. В декабре 2014 года в присутствии губернатора области, который лично патронировал эту стройку, открыто было новое здание отделения паллиативной медицинской помощи на 30 коек. Здесь лежат и проходят лечение наиболее тяжёлые пациенты, в том числе онкобольные. Светлана Петровна Котлярова — опытнейший врач, заведующая отделением, и её коллеги делают всё возможное и

Пациент на литотрипторе (дробление камней в почках)

невозможное, дабы облегчить страдания лежащих там людей.

Но велики ли возможности госпиталя? В.М. Сукач, характеризуя материальную подоснову жизни госпиталя, улыбнувшись в усы, говорит: «Живём на уровне минимальной достаточности». Что это означает на практике? Директивные показатели по заработной плате достигнуты. А всё остальное? В остальном всё ещё ощущается недобор. 250 коек стационара, поликлиника на 290 посещений — такова ежедневная нагрузка для коллектива, в котором и уникальные специалисты-врачи, и медсёстры-золотые руки. А ещё те, кто чистит снег метельными зимами, готовит диетическую пищу, убирает коридоры и палаты, водит машины скорой помощи, выполняет огромный объём работ, без которых деятельность госпиталя просто невозможна. Пациенты не услышат здесь просьбы принести простыни и прикупить медикаменты, как это случается порой в некоторых медучреждениях. Зато персонал госпиталя: врачи, медсёстры слышат постоянные слова благодарности. Убедиться в этом несложно — зайдите на сайт, поговорите с теми, кто лежит и лежал в госпитале. Внимание и доброта к пациентам возведены в госпитале в культ. Между прочим, предупредительность, терпение, милосердие иной раз действуют не менее эффективно, чем лекарства.

Платные услуги, оказываемые оренбуржцам, желающим

С.П. Котлярова

получить помощь именно у специалистов госпиталя, приносят доход в бюджет. Добрая половина заработанного идёт на повышение заработной платы врачам, медсёстрам, младшему медицинскому персоналу. Это позволяет удерживать квалифицированных специалистов, хотя кадровые подвижки неизбежны. Дополнительная помощь поступает от партнёров и попечителей. Это и денежные средства, и необходимое для госпиталя медицинское и офисное оборудование. Среди попечителей — депутат горсовета В. Булгаков, предприниматель В. Киданов, воин-афганец, руководитель энергетиков области В. Кажаяев, писатель П. Краснов и многие другие.

В госпитале по мере сил и умения лечат Войну как источник людских страданий и её тягостные последствия. Лично для В. М. Сукача, война не есть нечто отвлечённое. Его дед сгинул в огненном

вихре бомбёжки на Украине, не успев дойти до передовой. Где он нашёл последнее упокоение, никто не знает. Его родители — в те годы подростки — испытали свирепость войны, когда гитлеровцы по Украине рвались на восток, а затем отступали, откатываясь назад под ударами Красной Армии. Они хорошо запомнили «прелести» жизни при оккупантах. Быть может, отсюда проистекает сердечная заботливость доктора Сукача и его коллег по отношению к пациентам госпиталя?

Думается, что и те, кто сегодня отдаёт всего себя делу милосердного служения людям, являются достойными наследниками традиций, заложенных ещё великим русским фронтовым хирургом Николаем Пироговым и медиками Великой Отечественной. А затем последовали те «не знаменитые» войны, в которых скрытно принимали участие наши солдаты

и офицеры: Афганистан, две чеченские войны с международными террористами, краткосрочная, но достаточно кровавая в Южной Осетии... Сегодня — Сирия. Недавно Владимир Михайлович по секрету поделился: в госпиталь поступил ветеран Советской Армии с Украины. Он — один из немногих, кто чудом уцелел 2 мая 2014 года в огне одесского Дома профсоюзов, где фашисты расправились с истинными патриотами Украины. Надумал я, было, встретиться с этим человеком. Но главврач остудил мой журналистский пыл: «Нельзя! Слишком кровоточит душа. Разговор может пагубно сказаться на его здоровье».

Тяжело, невероятно тяжело излечивать старые военные раны, извлекать из тел и душ людских осколки войны. Зачастую они подобны тем мельчайшим просыпанным зёрнышкам, о которых рассказывал мне сосед-ветеран.

Но не следует обманываться их малостью. Врачи госпиталя и не обманываются. Ежедневно, ежедневно они ведут бой за каждого пациента, кто своим ратным трудом или работой в тылу обеспечивал и обеспечивает могущество и независимость нашей Родины.

Здание оренбургского областного психоневрологического госпиталя ветеранов войн